

настраивает читателя на восприятие угрозы. Образы, вызывающие симпатию, усиливают чувство беспомощности и страха. Эти элементы помогают читателю глубже понять внутренние конфликты персонажа, его уязвимость и страх перед агрессивным миром.

Заключение. Страх в литературных произведениях становится не только личным, но и социальным явлением, позволяющим исследовать человеческую природу и ее темные стороны. Через лексические и образные средства автор может передать сложные внутренние состояния персонажей, обогащая литературное произведение и создавая возможность для глубокого осмысления. Страх как эмоция в итоге способствует развитию сюжета и формированию характеров, открывая новые горизонты для понимания человеческой сущности.

1. Достоевский, Ф.М. Преступление и наказание: роман в шести частях с эпилогом / Ф.М. Достоевский. – М.: Дет. лит., 1987. – 576 с.
2. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка. / Д.Н. Ушаков. – Т. IV. – М.: Издательство Национальных словарей, 1940. – 1552 с.
3. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – Т. III. – М.: Прогресс, 1971. – 827 с.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЯПОНСКОЙ, РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ТРАДИЦИИ ХОККУ

Хоменко И.Е.,

*студентка 4 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Гладкова А.А., канд. филол. наук, доцент*

Ключевые слова. Хокку, компаративный анализ, белорусская поэзия, русская поэзия, японская поэзия.

Keywords. Hokku, comparative analysis, Belarusian poetry, Russian poetry, Japanese poetry.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом современной филологии к проблемам межкультурной коммуникации и художественного перевода. Японская поэзия, в частности жанр хокку, представляет собой уникальный материал для лингвокультурологического и компаративного анализа, поскольку ее лаконичная форма воплощает глубокие пласты национальной картины мира.

В современной науке недостаточно изучены механизмы адаптации японской поэтической традиции в русскоязычной и белорусскоязычной культурной среде, что определяет научную новизну исследования. Особое внимание уделяется сравнительному анализу не только канонических переводов японских классиков (Мацуо Басё, Ёса Бусон, Ко-баяси Иссэ), но и феномену создания авторских хокку на других языках. Исследование позволяет выявить специфические черты адаптации и трансформации жанра в иной лингвокультурной среде, а также раскрыть особенности национальной интерпретации японской поэтической традиции в русскоязычном и белорусскоязычном дискурсах. Сопоставление этих версий открывает новые перспективы для понимания механизмов межкультурной коммуникации в поэтическом творчестве. Цель исследования – выявить, как именно проявляется народная специфика в белорусских и русских авторских хокку, что позволяет говорить о возникновении двух самостоятельных ветвей развития жанра.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили тексты классика белорусской литературы Максима Танка, современного белорусского поэта Владимира Орлова, а также ряда современных русскоязычных авторов (Э. Кларк, Р. Дремичев, Т. Шкодских и др.). В качестве основного метода был избран сопоставительный лингвокультурологический анализ, позволяющий выявить как общие закономерности (трансформация трёхстишия, лаконизм), так и специфические черты, обусловленные национальной картиной мира.

Результаты и их обсуждение. Как отмечает А.Гладкова, «сусветная літаратура – гістарычна адкрытая дынамічная сістэма нацыянальных літаратур» [1, с. 5]. Обогащение жанрово-тематическими особенностями одной культуры часто происходит за счёт восприятия жанров и тем, а также «вечных» образов иной культурной парадигмы. Проведенное сопоставительное исследование позволило выявить как универсальные, жанрообразующие черты хокку, так и специфические национально-культурные особенности их адаптации в белорусской и русской поэтической традиции.

Классическое японское хокку строго регламентировано:

Трёхстишие: 上句 ('первая часть стиха', 上 – 'вверх'; 句 – 'счетчик для хокку') – задает сцену, вводит первый образ. 中句 ('средняя часть стиха', 中 – 'середина') – развитие темы, действие. 下句 ('последняя часть стиха', 下 – 'вниз') – результат, осмысление, «озарение».

Ритм (слоги): 5-7-5 (五 · 七 · 五)

Киго (季語, 'сезонные слова (в хокку)', 季 'времена года', 語 'слово') и **Кирэдзи** (切れ字 'знаки препинания в хокку, ренга и т.д.', 切 'резать', 字 'письмо, слово').

Например, самое известное хокку Мацуо Басё:

古池や
蛙飛びこむ
水の音

Старый пруд.
Прыгнула в воду лягушка.
Всплеск в тишине [2].
(перевод В. Марковой)

Старый пруд – образ вечности, покоя. Лягушка прыгнула – внезапное действие, нарушающее тишину. Всплеск – звук, который возвращает тишину, уже обновленную. Лягушка (蛙) – символ весны. や – частица, не имеющая аналога в русском языке. Передается на письме тире или многоточием. Создает паузу после «Старый пруд».

Анализ материала показывает, что и белорусские, и русские авторы в значительной степени отходят от строгого слогового канона, сохраняя при этом ключевой принцип трёхстишия и лаконизма. Однако именно в лаконизме и концентрации смысла проявляется верность духу японского прототипа.

Белорусская традиция демонстрирует большую склонность к сохранению медитативной, философской глубины, близкой к японскому оригиналу. Слоговой состав часто свободный, но ритмика выверена. Например, у Максима Танка:

Рэкі, як людзі,
спяшаюцца да акіяну –
сваёй нірваны [3].

В хокку белорусского поэта присутствует и классическое сравнение (рэкі – людзі), и философская категория (нірвана), и природный образ, что соответствует японской эстетике «саби» (寂) – восприятию красоты в простом и вечном.

Как и у М. Танка, у В.Орлова мимолётное наблюдение обретает медитативную глубину, выполняя роль сезонного слова (киго):

Дзьмухаўцовы пух
у тваёй жарай грыўцы.
Скончыўся травень. [3].

Русская традиция чаще тяготеет к большей свободе и жанровому синтезу, порой сближаясь с европейскими формами короткого лирического стихотворения или даже афоризма. Слоговой канон также не соблюдаются строго, акцент смешается на образную выразительность и личные переживания. Например, у Романа Дремичева:

Рассвет за окном,
Весёлый гомон птиц и
кофе аромат [4].

Это хокку фиксирует мимолётное личное переживание, мгновение быта, что наследует японский принцип «ваби» (侘) (прелесть простого), но воплощает его через сугубо европейские, урбанистические детали («кофе аромат»).

Ключевое различие между традициями заключается в наполнении трёхстиший национально-культурными кодами и картиной мира.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что восприятие японской поэтической традиции хокку в белорусском и русском культурном пространстве демонстрирует две принципиально различные стратегии адаптации, обусловленные спецификой национального культурного кода.

Белорусская традиция выбирает путь глубинной трансляции духа японского прототипа. Форма трёхстишия становится сосудом для традиционных тем белорусской литературы: нерасторжимой связи человека с природой, исторической памяти и философского созерцания. Тексты М. Танка и В. Орлова, сохраняя лаконизм и афористичность, наполняются уникальным национальным содержанием: меланхоличным пейзажем Беларуси, её мифопоэтическими образами и трагическим историческим опытом. Хокку здесь не просто заимствуется, а трансмутирует – происходит сложное преобразование формы, в результате которого рождается явление, онтологически близкое японскому первоисточнику, но генетически принадлежащее белорусской почве.

Русская традиция, напротив, избирает путь жанровой трансформации. Русскоязычные авторы актуализируют и выводят на первый план не медитативно-созерцательное, а лирико-импрессионистическое начало хокку. Жанр переориентируется на фиксацию сиюминутного личного переживания, настроения, бытовой детали в контексте современной урбанистической культуры. В результате происходит сдвиг: из инструмента постижения универсальной гармонии мира хокку превращается в инструмент поэтизации повседневности. Это рождает уникальный синтез – «городское хокку», где глубинная японская философия «ваби-саби» находит новое воплощение в эстетике домашнего уюта, мгновенных радостей и личных впечатлений городского жителя.

Таким образом, на материале одного заимствованного жанра появляются два типа межкультурного взаимодействия:

Белорусская трансмутация – сохранение философской сути при смене культурного кода.

Русская трансформация – сохранение формального принципа при смене философской и тематической доминанты.

Данное сопоставление не только подтверждает гипотезу о возникновении двух самостоятельных национальных ветвей жанра, но и наглядно демонстрирует, как универсальная поэтическая форма, попадая в новую культурную среду, не копируется, а пересобирается в соответствии с глубинными установками национального сознания.

Заключение. Проведённое исследование демонстрирует, что жанр хокку, будучи транслированным в инокультурную среду, не просто копируется, но и глубоко переосмысливается и адаптируется в соответствии с особенностями национального мировосприятия. Белорусская поэтическая традиция стремится к сохранению медитативно-философской глубины оригинала, наполняя форму трёхстишия собственными природными и историческими образами. Русская традиция, в свою очередь, акцентирует личностное, импрессионистическое начало, трансформируя хокку в инструмент поэтизации повседневности городского человека.

Таким образом, на материале хокку ясно прослеживаются два различных механизма межкультурной адаптации: трансмутация (сохранение сути при смене культурного кода) в белорусской традиции и трансформация (сохранение формы при смене содержания) – в русской. Это подтверждает гипотезу о формировании двух самостоятельных национальных ветвей развития жанра и вносит вклад в понимание закономерностей межкультурной коммуникации в искусстве.

1. Гладкова, Г. А. Айчынная і сусветная літаратура : вучэб.-метад. комплекс для студэнтаў неспец. фак. дзённай і заочнай форм навучання / Г. А. Гладкова ; М-ва адукацыі РБ, УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», Каф. беларус. літ. – Віцебск : УА «ВДУ імя П. М. Машэрава», 2008. – 88 с. – URL: <https://ger.vsu.by/handle/123456789/2669>.
2. Хайку о лягушке (Басё) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://wikilivres.ru/Xaiyku_o_lyagushke_\(Basё\).](https://wikilivres.ru/Xaiyku_o_lyagushke_(Basё).) – Дата доступа: 10.09.2025.
3. Адамык, У. В. Круглы год: Хоку беларускіх паэтаў : зборнік / У. В. Адамык. – Мінск : Літаратура, 1996. – 139 с.
4. Хасанов, О. Х. Хюгге-хайку: 888 уютных трёхстиший (антология светлой поэзии). / О. Х. Хасанов. – Издательские решения, 2024. – 53 с.

ДЫЯЛЕКТНЫЯ ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ ВІЦЕБШЧЫНЫ З ПРАСТОРАВЫМ ЗНАЧЭННЕМ ЯК АДЛЮСТРАВАННЕ ТРАДЫЦЫЙНАЙ НАРОДНАЙ КУЛЬТУРЫ

Хрушчова Э.Я.,

*студэнтка 4 курса ВДУ імя П.М. Машэрава, г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь
Навуковы кіраўнік – Дзядова А.С., канд. філал. науک, дацэнт*

Ключавыя слова. Дыялектная фразеалогія, прастора, Віцебшчына, культура, светапогляд, моўная карціна свету.

Keywords. Dialectal phraseology, space, Vitebsk region, culture, worldview, linguistic worldview.

Актуальнасць даследавання дыялектнай фразеалогіі абумоўлена неабходнасцю захавання і вывучэння моўнай спадчыны Беларусі, як важнага фактару нацыянальнай ідэнтычнасці і культурнай самабытнасці. Як слушна заўважае вядомы беларускі лінгвіст, даследчык дыялектнай фразеалогіі, А.С. Дзядова, “фразеалагічныя адзінкі прадстаўлены багатым моўным матэрыйялом, у якім увасобілася мудрасць і філасофскі погляд нашых продкаў на жыццё, асаблівасці іх характару і нацыянальнай свядомасці, адметнасці этнапсіхічнага складу беларускага народа” [1, с. 147]. У сучасным свеце, дзе глабалізацыя імкненца да ўніфікацыі культурных праяў, асабліва важна звязтацца да вытокаў, да рэгіянальных адметнасцей, якія фарміруюць аблічча кожнага народа. Фразеалагізмы з прасторавым значэннем, якія неад'емная частка дыялектнай лексікі, адлюстроўваюць унікальнае ўспрыманне свету, характэрнае для пэўнага рэгіёна, у дадзеным выпадку – для Віцебшчыны.

Прастора – гэта не проста фізічная катэгорыя, а канструкт, які фарміруеца пад уплывам культуры, гісторыі і геаграфічнага асяроддзя. Уяўленні пра прастору адлюстроўваюцца ў мове, у тым ліку і ў фразеалогіі, якая з'яўляецца своеасаблівой скарбонкай народнай мудрасці. Мэта дадзенага артыкула – выявіць і апісаць дыялектныя фразеалагізмы з прасторавым значэннем, якія функцыянуюць у гаворках Віцебшчыны і выступаюць як сродкі адлюстравання традыцыйной народнай культуры беларусаў.

Матэрыйял і метады. Матэрыйялам даследавання паслужылі дыялектныя слоўнікі Віцебшчыны: “Вушацкі словазбор Рыгора Барадуліна” (2013 г.) [2], “Мова Сенненшчыны” (2015 г.) [3], “Полацкія дыяменты” (2016 г.) [4], “Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны” (2012, 2014 гг.) [5], [6]. У працэсе даследавання выкарыстаны апісальны метад, а таксама метад семантычнага аналізу.

Вынікі і абмеркаванне. У выніку даследавання прааналізавана 39 дыялектных фразеалагічных адзінак з прасторавым значэннем, якія раскладзіўся па наступных семантычных групах:

1. **Фразеалагізмы, якія выражают адносіны блізкасці/аддаленасці.** Гэта найбольш шматлікая група, што сведчыць пра важнасць прасторавай арыентацыі ў жыцці чалавека. Напрыклад, *кала блізу* ‘паблізу, побач’ [3, с. 59], *пад бокам* ‘зусім блізка, недалёка’: *Xата пад бокам, я дамой пайду*. [3, с. 62], (*быць*) *на вачах* ‘побач, пад прыглядам’ [3, с. 83], як рукой *падаць* ‘вельмі блізка’: *Да возера як рукой падаць*. (Беразіно, Докш.), *далі-падалі* ‘чым далей’ [3, с. 130], *да чорта на кулічыкі* ‘вельмі далёка’ (Пальмінка Гар.), *у чорта на кулічыках* ‘вельмі далёка’ (Стайкі Арш.), *чуж-чужына* ‘чужы, далёкі’ [2, с. 218], *ляжаць упокам* ‘легчы вельмі блізка, адзін каля аднаго’ [2, с. 204]. Гэтыя фразеалагізмы